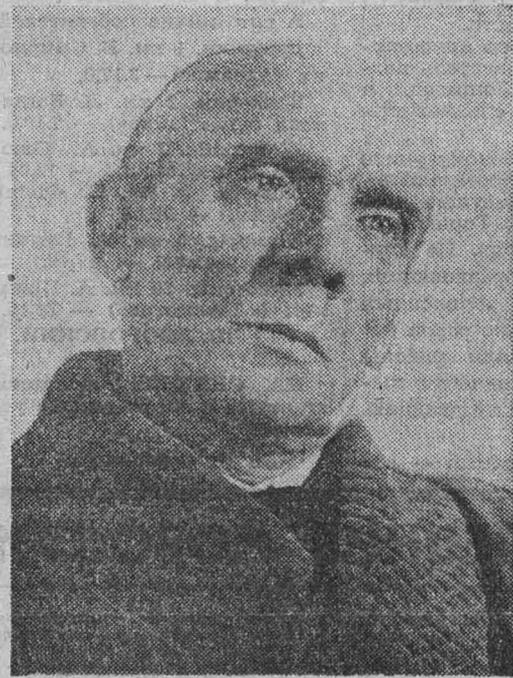

ВАЦЛАВА ЯНОВИЧА ДВОРЖЕЦКОГО трудно сейчас застать в Горьком. Его жизнь строго распланирована по графику: 1—7 «Моя жизнь», 10 — «Рудобельская республика», 12—17 «Хозяева», 18—20 «Человек в проходном дворе». Это названия будущих картин, в которых он сейчас снимается. В записной книжке Дворжецкого аккуратно поименованы города, где происходит съемки: Москва, Ленинград, Киев, Серпухов, Минск, Выборг. Восклицательными знаками отмечены в графике дни, когда он находится в Горьком с семьей.

И вот один из таких дней... Мы сидим у него в доме, менее всего похожем на актерский дом. Здесь нет ни афиш о спектаклях и фильмах с участием хозяина, ни его фотографий в ролях.

Коллекция уральских минералов, собранная в дальних походах. Громоздкая, почти исчерпывающая, по словам Дворжецкого, библиотека по охоте, рыбоводству, морской жизни, одних только ежегодников «Рыболов-спортсмен» — 31, за все годы издания. Причудливые лесные ветки и корни, куски старинных вильнюсских изразцов, обломки древней фрески Макарьевского монастыря.

Хозяин с гордостью показывает свои фотографии охотничьего сеттера, летящего вальдшнепа (фотография была премирована журналом «Охота и охотничье хозяйство»), утки-медалистки Маруськи (несколько лет он разводил подсадных уток)...

Процесс художественного творчества — одно из сложнейших явлений жизни. В творчестве актера материал и создатель объединяются в одном лице, здесь пути творчества глубоко индивидуальны и постичь их чрезвычайно непросто.

Как рождаются разноликие герои творчества Дворжецкого, как происходит его проникновение в чужие жизни, как они становятся его собственной жизнью — ответы на эти вопросы возникают, когда слушаешь, как влюбленно и радостно рассказывает Дворжецкий о встреченных им людях.

— Неинтересных людей не бывает, — говорит Дворжецкий. — Каждый человек интересен по-своему! А когда я встречаю человека со снастью или за баранкой, всегда возникает ощущение общности, давнего знакомства.

Есть у меня друг в Одессе, тоже рыбак, бывший судовой механик. Это он меня научил есть рыбу, вот так брать горячую скумбрию двумя пальцами, одно движение губ от головы до хвоста — и нет половинки, еще одно такое же движение — и вот уже остался только скелет «качалочки» с удивленной головой...

И, может быть, появится роль, где понадобится Дворжецкому и этот жест, и эта встреча...

Вацлав Янович не разрешает себе легких готовых решений, бездумного следования традициям, каждую роль он придирчиво проверяет собственным жизненным опытом и опытом окружающих его людей, он всегда ищет новые, ранее не известные грани образа, черпая их в мыслях, поступках, решениях своих современников. Во многом неожиданной оказалась его работа над образом Луки в горьковском спектакле «На дне», отмеченном Государственной премией РСФСР 1968 года.

— Однажды, — рассказывает Дворжецкий, — встретился я на Керженце с одним стариком и заговорил с ним начальными строками одного из монологов Луки: «...вот служил я на даче у инженера одного под Томском-городом»... Я разговаривал с ним от имени Луки, словами Луки, и старик оттаивал, становился все более открытым, доверчивым, рассказал мне, как он еще до революции в Москву пешком ходил. И я подумал, почему Лука лукавый, утешает ложью? А может, иное? Не может ли здесь прозвучать тема подлинной доброты? Лука, по мнению Дворжецкого, верит в человека и верит в добро. Мой собеседник вспоминает слова Луки. Без грима и театрального костюма на моих глазах происходит чудо актерского превращения, и вот уже рядом со мной — сильный, крепкий мужичок, мудрость народная:

«Ежели кто кому хорошего не сделал, тот и худо поступил...», «Человек все может, лишь бы захотел...», «Люди-то? Они — найдут! Кто ищет, найдет! Кто крепко захочет — найдет! Они — придумают! Помогать только надо им...» Дворжецкий делает все, что может, чтобы поднять людей со дна, он видит, что все сложно, трудно, но добро — величайшая сила, которая может помочь человечеству в борьбе за лучшее будущее. «Недопустимо быть черствым, жестоким, безразличным, нечутким, недобрый, невнимательным, неделикатным, — вот современная тема, — говорит Дворжецкий, — вот благородная, гуманная цель, ради которой можно набраться смелости погрешить перед хрестоматией».

Первая большая работа Дворжецкого в кино — шеф вражеской разведки Лансдорф (см. снимок) в кинофильме «Щит и меч» состоялась совсем недавно, в 1968 году. Поэтому-то его кинематографический дебют привлек к себе внимание широкой общественности. Аудитория его зрителем необычайно увеличилась. Вышло еще два фильма с его участием: «Любовь Серафима Орлова», «Риск».

В разнообразных коллекциях Дворжецкого появилась теперь еще одна — коллекция осколков от тарелок, которые по давней традиции кинематографистов принято разбивать в 1-й съемочный день.

ЖИЗНЬ

В

ИСКУССТВЕ

Недавно, когда его маленький сын Женя разбил тарелку, и мать приготовилась его отчитывать, она услышала от мальчика: «1-й съемочный день начался». Мальчишка, так же, как его отец, любит кино, воду, лес, автомобиль и, чем особенно гордится Дворжецкий, — математику. Старший сын Дворжецкого пошел по стопам отца: он артист, ставший широко известным после фильмов «Бег» и «Возвращение святого Луки». Дворжецкий внимательно и строго следит за работами сына в кино. «Сняться бы вместе с Владиком», — мечтает он. С гордостью он сказал мне: «Когда-то на студиях говорили: сын Дворжецкого, а теперь говорят: отец Дворжецкого.» Он радуется успехам сына, но ему, так же, как себе, он никогда не делает скидок, он всегда строго выскателен и бескомпромиссен в своих суждениях об искусстве. Дворжецкий считает, что бытующая по отношению к актерам шутка: «Все играете? А когда же работать начнете?», возникла отчасти от незнания некоторыми зрителями специфики актерского труда, а отчасти по вине самих актеров, бездумно, дилетантски относящихся к своему труду.

«Искусство обладает потрясающей силой воздействия на зрителя, — говорит Дворжецкий. — Представьте себе, что образы грубо искажены. Это значит, что души человеческие будут ранены. Тут допустима аналогия с лечащим врачом, который вводит в организм вредное лекарство. Вы ведь не согласитесь, чтобы вашего ребенка лечил какой-нибудь шарлатан или знахарь, а обратитесь к врачу и обязательно к специалисту. И в вопросах духовного формирования нужен специалист, а не знахарь. Я не склонен делать скидку на бедность никакому районному театру, никакому драмкружку. Все и всегда должно быть на достойном художественном уровне или не быть вовсе».

Так же строг и требователен Дворжецкий к зрителям. Многие считают, что в искусстве способно разбираться любой человек и для этого не требуется никакой подготовки. В науке нужна подготовка, в технике — тоже, а в искусстве нет. Не нравится, мол, мне — значит, плохо. А помните у Маркса — если ты хочешь наслаждаться искусством — ты должен быть художественно образованным человеком.

Нигде на свете нет таких широких возможностей для образования и культурного развития, как в нашей стране: университеты культуры, встречи, зрительские конференции, лекции по телевидению, радио, клубы, кино, народные театры — только использовать.

Встреча с замечательным артистом и интересным человеком Вацлавом Яновичем Дворжецким помогает понять истоки актерского творчества, способствует художественному образованию, приносит подлинную радость.

А. КУЗНЕЦОВА.